

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У65

Серия «Звезды научной фантастики»

Peter Watts
ВЕНЕМОТН: В-MAX
ВЕНЕМОТН: SEPPUKU
INCORRUPTIBLE

Peter Watts and Laurie Channer
BULK FOOD

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Varor International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: Галина Соловьева, Юрий Вейсберг,
Николай Кудрявцев

В оформлении использована иллюстрация
Михаила Емельянова
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ВЕНЕМОТН: В-MAX © 2004 by Peter Watts
ВЕНЕМОТН: SEPPUKU © 2005 by Peter Watts
BULK FOOD © 2000 by Peter Watts
INCORRUPTIBLE © 2017 by Peter Watts
© Галина Соловьева, перевод, 2014
© Юрий Вейсберг, перевод, 2014
© Николай Кудрявцев, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

БЕТАГЕМОТ

Памяти Странной Кошки по кличке Карцинома
(1984–2003).

Ей было бы все равно.

И памяти Чукваллы (1994–2001) —
жертвы взбесившейся технологии

БЕТА-ПРЕЛЮДИЯ: ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ

Ахиллу Дежардену рассказывали, что к утратившим зрение оно возвращается во сне.

Это касалось не только слепых. Любой, кого порвала жизнь, видит сны цельного создания. Человек без рук и без ног бегает и пинает футбольный мяч; глухой слушает симфонии, потерявшие близких снова любят. Разум обладает собственной инерцией, привыкает за много лет к определенной роли и неохотно отказывается от прежней парадигмы.

Конечно, в конце концов все проходит. Блекнут яркие видения, замолкает музыка, воображаемое уступает место чему-то более подходящему пустым глазницам и лопнувшей перепонке. Но на это уходят годы, десятилетия — и все это время мозг терзает себя по ночам воспоминаниями о том, что имел когда-то.

Так случилось и с Ахиллом Дежарденом. Во сне у него была совесть.

Сны уносили его в прошлое, в жизнь скованного бога: в руках миллионы жизней, его владения простираются от геосинхронной орбиты до дна Марианской впадины. Он снова без усталости сражался за добро,

он подключен к тысяче каналов сразу, рефлексy и способности к распознаванию образов подстегнуты модифицированными генами и индивидуализированными нейротропами. Он наводил порядок там, где бушевал хаос. Приносил в жертву десять человек, но спасал сотню. Он изолировал эпидемические вспышки, разбираал завалы, обезвреживал террористов и экологические катастрофы, угрожавшие со всех сторон. Он плыл по радиоволнам и скользил по тончайшим нитям оптоволокну, вселяясь в перуанские морские фабрики, а минуту спустя — в корейский спутник связи. Он снова становился лучшим правонарушителем в УЛН, пробовал второй закон термодинамики на прочность, доходил до предела, а иногда и чуть дальше. Он был истинным духом из машины — а машина в те времена была повсюду.

Однако сны, искушавшие его чуть ли не каждую ночь, были не о власти, а о рабстве. Только во сне он мог вновь почувствовать ту парадоксальную покорность, что смывала с его рук реки крови. Они называли ее Трипом Вины. Набор искусственных нейротрансмиттеров, названия которых Дежарден не удосужился выучить. Он, как-никак, мог убить миллионы людей одним приказом: такую власть никому не дают в руки, не снабдив несколькими предохранителями. С Трипом в мозгу мятеж против общего блага становился физиологически невозможным. Трип Вины обрубал связь между абсолютной властью и абсолютной развращенностью: любая попытка применить власть во зло вызвала бы мощнейший эпилептический приступ. Ахиллу не случалось лежать без сна, сомневаясь в правоте своих поступков или в чистоте побуждений. То и другое ввели ему в жилы люди, менее склонные к колебаниям.

Эта безвинность была так утешительна! Вот ему и снилось рабство. И еще снилась Элис, освободившая его от цепей.

Во сне он мечтал их вернуть.

Понемногу сны ускользали, как всегда с ними бывает. Прошлое уходило: наступало беспощадное настоящее. Мир разваливался, распадаясь на застывшие кадры, из глубин моря поднимался губительный вирус, использовавший вместо транспорта плоть подводницы из Н'АмПацифика, а барахтавшиеся в его турбулентном следе Власть Предержавшие и Упустившие прозвали агрессора Бетагемотом и принялись сжигать людей и имущество в лихорадочных, тщетных попытках предотвратить грядущую смену режима. Северная Америка пала. Триллионы микроскопических пехотинцев маршировали по суше, безвозвратно губя почву и плоть. Полыхали и затухали войны: кампания в Н'АмПацифике, Колумбийский ожог, евроафриканское восстание. И, конечно, Рио — получасовая война, война, которую Трип Вины никак не должен был допустить. Дежарден, так или иначе, участвовал во всех. И, пока отчаявшиеся многоклеточные скатывались во внутренние распри, настоящий враг неотвратимо наползал на землю подобно душному одеялу. Даже Ахилл Дежарден, гордость Патруля Энтропии, не мог его сдержать.

Теперь, когда настоящее почти настигло его, он ощущал легкую печаль по всему, чего не сделал. Впрочем, то были фантомные боли, пережитки совести, оставшейся в далеком прошлом. Они почти не задевали его здесь, на зыбком перекрестке сна и яви, где на мгновение он вспоминал, что свободен и жаждет рабства.

Потом он открывал глаза, и не оставалось ничего, кроме равнодушия.

Мандельброт, тушкой распластавшись у него на груди, замурлыкала. Рассеянно поглаживая ее, Ахилл вызвал утреннюю статистику. Ночь выдалась сравнительно спокойной: внимания заслуживали разве что на удивление безрассудные беженцы, попытавшиеся прорвать Североамериканский периметр. Они подняли парус под покровом темноты, вышли с Лонг-Айленда на переоборудованном мусоровозе в час-десять по Атлантическому Стандартному. Еще через час заинтересованные лица из евроафриканских кругов уже боролись за бабки, решая, кто же осуществит «вынужденную ликвидацию». Беглецы едва миновали мыс Код, когда алжирцы (*алжирцы?*) их сняли.

Система даже не стала поднимать Дежардена с постели. Мандельброт потянулась и отправилась на утренний обход. Освободившись, Дежарден встал и зашлепал к лифту. Шестьдесят пять пустующих этажей плавно ушли вниз. Всего пару лет назад здесь гудел улей антикризисного центра: тысячи оперативников на Трипе, вечно подвешенных на тонкой ниточке над нервным срывом, с холодной бесстрастной бережливостью распоряжались жизнями и легионами. Теперь все это принадлежало ему одному. После Рио многое изменилось.

Лифт выплюнул его на крышу УЛН. Соседние здания выстроились подковой, теснясь на границе расчищенной зоны. Статическое поле Садбери, задевавшее брюхом крыши самых высоких зданий, осыпало руки Дежардена мурашками.

Лучи встающего солнца подожгли руины поверженного царства.

Опустошение было не полным — пока еще не совсем. Города на востоке отчасти уцелели: вооружившись, ого-

родившись стенами и без конца отражая претендующих на их земли захватчиков. Там, где конфликты не исчерпали себя, все еще клочкотали линии фронта: одна-две даже стабилизировались. На континенте сохранились островки цивилизации. Их было не много, однако война продолжалась.

И все потому, что пять лет назад женщина по имени Лени Кларк восстала с океанского дна, и в крови ее бурлила жажда мести пополам с Бетагемотом.

Дежарден перешел посадочную площадку и встал на краю крыши. Пока он мочился в пустоту, над обрывом поднималось солнце. Сколько перемен, размышлял он. Сколько ярусов катастроф во имя нового равновесия. Его владения от планеты сжались до континента, подпаленного с краев. Кругозор, некогда вмещавший бесконечность, теперь ограничивался побережьями. Руки, обнимавшие прежде весь мир, были ампутированы до локтей. Сам по себе Североамериканский сегмент Сети отсекли от прочих, словно электронную гангрену; Ахиллу Дежардену приходилось иметь дело с мертвеющей массой.

И все же во многих отношениях он был сейчас могуществен, как никогда. Да, территория уменьшилась, но меньше стало и тех, с кем доводилось ее делить. Он теперь был не столько командным игроком, сколько единоличником. Не то чтобы об этом многие знали...

Впрочем, кое-что не изменилось. Формально он все еще был сотрудником УЛН, ну или тех останков организации, какие еще сохранились на земном шаре. Мир давно повалился набок — во всяком случае, близлежащие его части, но обязанности Дежардена остались прежними: минимизировать ущерб.

Вчерашние локальные пожары сегодня преобразились в пылающие преисподние, и Дежарден всерьез

сомневался, что их теперь вообще возможно потушить, но он был из тех, кто мог хотя бы сдерживать их наступление. Он все еще оставался правонарушителем — смотрителем маяка, как он назвал себя в тот день, когда они наконец смилостивились и позволили ему остаться, — и сегодняшний день будет похож на все остальные. Предстоит отражать атаки и разоблачать врага. Какие-то жизни прервутся во имя спасения других, более многочисленных или более ценных. Надо будет уничтожить болезнетворных микробов и поддерживать имидж.

Повернувшись спиной к восходящему солнцу, он переступил лежащее под ногами женское тело, нагое и выпотрошенное. Эту женщину тоже звали Элис.

Он попытался вспомнить, совпадение это или нет.

БЕТА-МАКС

Мир не умирает, его убивают.
И у убийц есть имена и адреса.

*Юта Филлипс*¹

¹ *Юта Филлипс* (1935–2008) — настоящее имя Брюс Данкан Филлипс, американский бард, анархист и деятель профсоюзного движения (*здесь и далее прим. ред.*).

КОНТРАТАКА

Все начинается со звука в темноте. Дрейфуя по склону подводной горы, Лени Кларк готовится к неизбежному расставанию с одиночеством.

На таком расстоянии она совершенно слепа. «Атлантида» с ее подвесными рамами, маячками и иллюминаторами, истекающими в бездну размытым светом, осталась в сотнях метрах позади. Достаточно далеко, чтобы не мигало никаких сигналов, чтобы огоньки на каналах инженерных сетей и наружных хранилищах не загрязняли мрак. Линзы на глазах могут использовать для зрения малейшую искорку, но не способны создать свет там, где его не существует. Как здесь. Три тысячи метров, триста атмосфер, три миллиона килограммов на квадратный метр выжали из мироздания все до последнего фотона. Лени Кларк слепа, как последний сухопутник. За пять лет на Срединно-Атлантическом хребте она успела полюбить слепоту.

А теперь все вокруг заполняет комариное зудение гидравлики и электрического тока. Сонар мягко постукивает по ее имплантатам. Зудение неуловимо переходит в писк и гаснет. Легкий толчок: что-то замирает прямо над ней.

— Дрянью.— Механизм в горле обращает словечко в тихое жужжание.— Уже?

— Я дал тебе лишнего полчаса.— Это голос Лабина. Его слова преобразованы той же техникой, но искаженный звук теперь стал для нее привычной оригинала.

Она бы вздохнула, будь здесь возможно дыхание.

Кларк включает налобный фонарь. Во вспыхнувшем луче появляется Лабин: черный силуэт, усеянный точками внедренных механизмов. Впадина на груди — диск со множеством щелей, хром на черном фоне. Роговичные накладки превращают глаза в пустые матовые овалы. Он выглядит так, словно создан из теней и технологий. Кларк знает, что за этим обликом скрывается человечность, но помалкивает об этом.

Рядом с Лабинем парит пара «кальмаров». С одной из метровых торпед свисает нейлоновый мешок, бугрясь всяческой электроникой. Кларк переворачивается ко второй, сдвигает тумблер с «Ведомый» на «Ручной». Машинка вздрагивает и выдвигает рулевое устройство.

Кларк, не раздумывая, отключает фонарь. Все снова поглощает тьма. Ни движения, ни огоньков. Никаких атак.

Просто все здесь по-другому.

— Что-то случилось? — жужжит Лабин.

Ей вспоминается совсем иной океан на другом краю мира. Там, на источнике Чэннера, стоило выключить свет, загорались звезды, тысячи биолюминесцентных созвездий: рыбы освещались как посадочные полосы аэропортов; мерцали членистоногие; сложными переживаниями вспыхивали виноградинки гребневиков. Чэннер песней сирены приманивал этих причудливых обитателей средних глубин, заставляя погружаться глубже обычных для них слоев, подкармливая незнакомыми